

ПОИСК И ОТКРЫТИЯ

ГАСТРОЛИ ЛЬВОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УКРАИНСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ МАРИИ ЗАНЬКОВЕЦКОЙ

В каждой постановке этого театра, ставится ли пьеса гениального Шекспира или же безвестного доселе начинающего драматурга, всегда присутствует особый дух почитательной и невольной раздумчивости, словно бы театр предугадывает себя и нас: а вдруг и в драматурге-дебютанте зашифрован Шекспир. Если говорить о творческой манере коллектива, я бы выразил ее определением активно выжидательного поиска, — он скуп и скромен в перспективных декларациях, однако же богат наличием достигнутых ближайших целей, кои никогда не замыкаются в самих себе, предвосхищают нечто более значимое и новое.

Так мы восприняли «Марию Заньковецкую» — спектакль о великой актрисе, чье имя носит этот коллектив. Тут даже то, что принято считать драматургическим несовершенством пьесы, обращено в ее достоинство. Цитатно-фрагментарная биографичность и сюжетная прерывистость функционируют на сцене как необходимые «отточия» или же пики на кардиограмме сложной мысли о судьбе художника. Неполнота словесной «расшифровки» многих сцен-фрагментов выглядят не вынужденной, даже словно бы не заданной, а свойственно-необходимой этому спектаклю, и его сюжетные пунктиры обретают содержательную общность. Решиться на такой спектакль имеет право лишь театр, располагающий особо талантливыми исполнителями, — среди прочих качеств у каждого из них должно быть нажитое умение сказать со сцены недосказанное автором, сказать «неслышно», как догадку самого же зрителя, который будет вслушиваться в это и потом, когда аплодисменты отзвучат и занавес опустится. Вы к этому вернетесь снова, еще раз захочется встретиться с героями спектакля...

Да, спектакль «Мария Заньковецкая», с его сильным, слаженным ансамблем и актрисой Л. Кадыровой в заглавной роли оставляет именно такое ощущение необходимости возврата. То же мне хотелось бы сказать и о комедии А. Корнейчука «В степях Украины», о шекспировском «Ричарде III» — в них есть та новизна прочтения, которую не враз постигнешь, а театр тебя и не торопит, словно бы остерегая от ретивых и скоропалительных решений, выводов.

Спектакль по пьесе И. Шамкина «Главный экзамен» у заныковчан я видел дважды: полгода назад во Львове и сейчас (минчанам пьеса известна под иным названием — «Экзамен на осень» в постановке ТЮЗа).

У нас, на сцене ТЮЗа, пьесу ставили, «превозмогая» ее жанр, стремясь уйти от мелодрамы, в чем немало преуспели. Львовский же театр как будто даже вовсе не беспокоился, и канону жанру будут относиться спектакль, — автора не «преодолевали», в автора поверили и, судя по всему, влюблись в пьесу. Мелодрамы тут не постеснялись, но на ней и не настаивали. Выявляли то, о чем хотел поведать автор как о са-

мом сокровенном и светлом: о теме материнства, человечности, сердечной бескорыстной доброты. Художнику спектакля В. Бортиянову эта тема увиделась в тончайшем ореоле яблоневых кружев-паутинок облака над кроной-садом. Это облако останется таким же белым и воздушно-поэтичным до конца спектакля, только в заключительных картинах на его парении возникнет отягченная плодами ветвь, и яблоками будет щедро усыпана вся сцена — стол во дворе, поленица, весь двор...

Это кружевное облако над кроной, это словно бы отрубленная (но со зрелыми плодами!) ветвь и эти яблоки повсюду, — что в них, почему они так сильно и надолго впечатляют, беря воображения?

Может, во всем этом переказана судьба шамякинской учительницы Ульяны Павловны, которую в спектакле заныковчан играет так проникновенно народная артистка СССР Н. Доценко. Возможно, тут воплощена когдатошняя девичья мечта о материнстве, даже не мечта еще, а словно некое предощущение счастья, так и не успевшее свершиться, изувещи пресеченного экспериментом гитлеровских эскулапов. А яблоки — ее ненадвинувшиеся дети? Или сыновья, которых эта женщина усыновила, вырастила?

Очень емкий, поэтичный и одухотворенный образ, в сочетании с проникновенными мелодиями наших «Песняров»...

Заныковчане не стесняются быть в этой постановке режиссера В. Рипко добрыми до нежности и нежными до трепетной сентиментальности. Упрекнуть их в этом? Я лично не решусь. Рассказанное ими — свято.

А ведь рассказано все — просто, доверительно и даже буднично. Придет и Ульяна Павловна соседка по двору Марина (заслуженная артистка УССР Е. Хомяк), заговорят они про дождь, из-за которого на поле полегла пшеница, негде подоить коров, и кажется, что в атмосферу сцены входят обложные тучи, и в тебя, сидящего в зрительном зале, начинает проникать обеспокоенность томлящихся на сцене в вынужденном ожидании — безделье женщины, их тревога за детей, уехавших сдавать приемные экзамены, за урожай, за премию, которая сорвется в этом месяце... Все очень узнаваемо.

Не знаю, можно ли назвать такую доверительную простоту художественной смелостью, но мне все больше хочется настаивать на этом. Посудите сами.

Вы со сцены слышите от женщины-доярки, что она готова бы дать тысячную взятку, только бы попала дочка в университет. Как это расценить? Клеймить позором? Однако же ни автор, ни театр не то чтоб не клеймят Марину, а скорее даже ей сочувствуют. Они взывают к простодушию Марины и ее бесхитростному нраву, наконец, к Марининым натруженным рукам, и если мысль ее о взяткодательстве преступна, то первопричина кроется не в ней, Марине, — к размышлению по сему поводу как раз и призывает зрителя театр все той же «недосказанностью»: у доярки ноют от работы руки, только и того...

Или вспомним, как вдруг

расхохоталась — долго, громко, то ли облегченно, то ли с некой новой болью Ульяна Павловна, узнав, зачем понадобилось гостю, профессору Бармуцкому (народный артист УССР В. Максименко) «продлить» свой партизанский стаж — для ради более достойного увековечения в энциклопедии.

И взяткодательство, и стаже-вымогательство сидят в этом спектакле за одним столом, плечом к плечу, лицо в лицо с сентиментальной чистотой и трепетной возвышенностью. Внешне вроде бы сосуществуют очень мирно и уживчиво, не бьют друг друга, даже обнимаются и вместе поднимают тосты, но каная между ними бездна, — и об этом говорит спектакль: Он размышляет о житейских нормах, исходя из проявлений жизни, в формах жизни, как она сама себя творит, в противоречиях, не обличенных в стройные сюжетопостроения с четкими градациями «положительного» или «отрицательного».

Заныковчанам полюбился именно такой писатель-драматург Иван Шамкин. Именно такого автора в Шамякине они «открыли» нам. И продолжают с каждым новым представлением-показом «открывать» себе. Спектакль становится все более раздумчивым, стираются углы поверхностных обозначений сути, углубляется ее подспудность. Так, я был обрадован, увидев в «отрицательном» герое Викторе, среднем из приемных сыновей Ульяны Павловны, которого артист В. Коваленко играл наследственным злодеем, намек на внутреннюю драму персонажа. Обогащается и образ «стажевикогагеля» Бармуцкого в талантливой до озорства игре народного артиста УССР В. Максименко, — он уже не просит справку, а словно возмущается, демагогически наглет — как, мол, так! — и в этом самовозбуждении Бармуцкий на какой-то миг уже и сам поверил в свой вымысел...

Радуют плодотворный поиск молодого, щедро одаренного артиста Е. Федорченко в роли младшего из сыновей — Томаша, а также исполнительское совершенство заслуженного артиста УССР В. Росстального в роли старшего из братьев — Родиона. Их дуэт — один из лучших в постановке.

И еще один из образов. О нем хотелось бы сказать особо.

Есть в этой пьесе девушка, наивная и привлекательная, в чем-то ограниченная, несмотря на то, что по оценкам в аттестате она вроде бы «вытягивает» на медаль. И с нею происходит в общем-то банальная история. Поедет Света в город сдавать вступительные в университет, а умудренный городским всезнанием сердечных дел художник-циник Виктор совратит ее, она вернется к маме и заявит, что с университетом кончено. Еще раз повторим: банальная история. Но небанальной делают ее такие вот признания Светланы: «Нет никакой трагедии. Я считаю, что каждый из нас должен когда-нибудь обжечь свои крылья. Тогда мы не будем летать. Мы станем на ноги».

Помню нашу, тюзовскую Свету, как ее играет В. Навалерова. Маленькая, хрупкая, с остывшим пеплом пережитого в сухих озерках глаз, она как бы встает из пепла, зло и гордо стряхивая этот пепел с голо-

вы и ног. Да, это драма. Беспощадная, без сожалений и без проблеска надежды. Как выжженная пустыня.

Не так давно в одной из украинских постановок этой пьесы довелось мне видеть некий противоположный «вариант» Светланы, — со стенаниями, рассчитанными на сочувствие и ее беде, и с сожалением о безвозвратности сожженных крылышек.

Конечно, предпочтение я отдал бы трактовке нашей тюзовской актрисы.

Но вот в спектакле заныковчан еще одна Светлана — Н. Кондратовская. Еще одна трактовка. Если в первых двух, при всей их разности, отчетливо прочитана сценическая тезисность, то в этой от начала до конца бьет через край сама стихия жизни, многозвучной, многоароматной. Все, что было с этой Светланой, — тоже было. Мотыльковость, увлеченность и ожог. Но — не всевыжигающий пожар. Но — далеко не смысловая параллель трагедии Ульяны Павловны. Не безвозвратная утеря облака-мечты и ожидания плодоносящей зрелости. Уж если и сопоставлять ее судьбу с судьбой Ульяны Павловны, то только не как «парафраз», а по закону смыслового контрапункта: счастье и возможность счастья нынешней Светланы выстраданы прежним поколением, а ее личная теперешняя боль — совсем иная боль...

Так «открыла» нам шамякинскую героиню Н. Кондратовская.

Автор, посмотрев спектакль, признался, что во время действия он даже забывал, что все происходящее на сцене, им написано. Да, они играли то, что написал он, И. Шамкин, уважаемый и признанный прозаик, скромно называющий драматургией своим «хобби». Думаю, что после этого спектакля у него исчезнет повод для подобных оговорок, ибо заныковчане приняли его драматургию безоговорочно, проникновенно, с прозой наравне. Ни в чем ее не изменив. Но — «досказав».

Георгий КОЛОС.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Мария Заньковецкая». В ролях — заслуженная артистка УССР Л. КАДЫРОВА (Мария Заньковецкая) и народная артистка СССР Н. ДОЦЕНКО (Горпина Захаровна).

Фото Ч. Мезина (БЕЛТА).